

С. ЛЕМ И М. БАХТИН: СООТНЕСЕНИЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Вспоминая о Станиславе Леме, трудно избежать разговора о фантастике. Сфера фантастического позволяет осуществлять самые неординарные подходы ко вполне земным, даже бытовым проблемам человека. Поэтому, обращаясь к памяти о крупнейшем фантасте XX века, можно легко вообразить, например, разговор двоих – С. Берселя с его магнитофоном. Отсюда и вытекают проблемы, затронутые в данной статье – проблемы соотношения и противостояния.

Станислав Лем и Михаил Бахтин – знаковые фигуры XX столетия. С. Лем известен, в первую очередь, как автор знаменитой «Второй» суммы. За последний год отечественный читатель получил возможность познакомиться с беседами Лема и Берселя протяженностью в двадцать и более лет, а также с его поздними критическими работами, такими, как «Молох», «Мегабитовая бомба», «Абсолютная пустота», «Так говорил...Лем» и др.

Надо отметить, что частота употребления термина «технология» очень высока, его смысловое содержание значительно расширилось, особенно в последнее десятилетие XX века: это и техника, и технология, и технологическая рациональность, и технократия. И, скорее всего, это – не полный смысловой ряд на сегодняшний день.

Если говорить о М. Бахтине, то в свое время раздавались голоса, что он будет забыт. Но нет: под редакцией В. Л. Махлина (Первый Московский педагогический университет) в 2004 году вышел уже пятый Бахтинский сборник. С изучением философского и филологического наследия М. Бахтина связываются имена известных ученых, таких как С. Аверинцев, В. Библер, Н. Бонецкая, И. Волкова, Л. Гогиташвили, Ю. Давыдов и др. Издается полное собрание сочинений М. Бахтина.

М. Бахтин причисляется к диалогистам XX в. Среди них мы встретим Ф. Эбнера, О. Розеншток-Хюси, С. Л. Франка, Э. Левинаса и др. М. Эткинд «пошел» еще дальше и назвал М. Бахтина первым русским постмодернистом. Идеи М. Бахтина соотносятся с идеей трансверсального разума (В. Велша), «коммуникативного разума» Ю. Хабермаса. Но у М. Бахтина есть свое лицо, свой голос. Именно он впер-

вые заговорил о романе Ф. М. Достоевского как о полифоническом тексте.

В философском знании принято различать три установки мыслительной деятельности человека: монолизм, плюрализм и диалогизм. В свое время по этому поводу М. Бахтин писал: «понять предмет (в широком смысле) – значит занять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку к нему), понять в его отношении ко мне в единственном бытии-со-бытии, что предполагает не отвлечение от себя, а мое ответственное участие». Надо иметь в виду, что понять и знать – разные вещи. Понять – значит измениться, превзойти самого себя, как сказал бы Сартр. Формой, в которой это может реализоваться, по Бахтину, является именно диалог. Монолизм по определению такой особенностью не располагает. Это было бы еще уместно в эпоху Просвещения, когда истинность знания обладала высокой ценностью и для развития человеческого в человеке. Сегодня, думается, ситуация существенно изменилась. Технологизм и технологическая рациональность превалируют. Напротив, у М. Бахтина «самобытие человека (и внешнее, и внутреннее) – есть глубочайшее общение». Представление М. Бахтина о конечной цели любой технологии можно было бы назвать «гуманитарной антропологией».

Вот еще одно показательное сегодня суждение: «страшно все техническое (добавим от себя – и технологическое), оторванное от единственного единства и отданное на волю имманентному закону своего развития, оно может время от времени взрываться в это единственно единственное жизни (человека) как безответственная и разрушающая сила». Поскольку мы вошли в него, т.е. совершили акт отвлечения, мы уже во власти его собственной законности, точнее, нас просто нет в нем как индивидуально ответственных в ней.

Несколько слов о теоретической (скорее, может быть, о мировоззренческой) значимости суждения и должествования как проблеме уже для теории познания. «Для должествования не достаточно одной истинности, но ответный акт субъекта, из него исходящий, акт признания в истинности и должествования. И этот акт совершенно не проникает в теоретический состав предметного содержания и значимость суждения». На современном языке это называется пространством рисков. Но признаваемая сегодня деформация чело-

веческого бытия дорогого стоит. По мнению М. Бахтина, «у человека нет алиби в бытии».

Я не ставлю перед собой задачу абсолютизировать критический ракурс рассмотрения, т.е. противостояние С. Лема и М. Бахтина. С. Лем как естественник и врач по образованию использует соответствующую аргументацию. Приходится только поражаться и восхищаться его кругозором, крайне убедительными аргументами. Но если говорить о его прогностике, то дело могло обстоять много проще. Какой-нибудь господин N прочитал его под совсем другим углом зрения, и тогда идеи С. Лема получились бы не как сбывшиеся прозрения, а как сделанные, сознательно материализованные. Для подобной идеи также существуют объективные органические основания. Немецкие интерпретаторы философской антропологии, прежде всего А. Гелен, охарактеризовали человеческий мозг как орган для любых целей, как имморальный орган. Но, однако же, и для позиции М. Бахтина тоже есть органические предпосылки: например, представление о функциональной асимметрии полушарий головного мозга, о функциональных формах разума А. Ухтомского, его идеи о Двойнике и Собеседнике (М. Жозеф Шалвен с ее тестом). И поэтому-то определения человеческого бытия даются в категориях возможности, и оно определяется как задача, стоящая перед человеком. Задача, которая по определению не формализуется. Технология же, тоже по определению, исключает случайность, тем самым она есть условие развития. Проблема здесь видится в другом: С. Лем оперирует временем, растянутым на тысячи лет и больше, а жизнь отдельного индивида ничтожно мала и конечна...

В «Философии техники в ФРГ» представлены различные определения термина «техника» в их первичном значении. Немецких авторов нельзя упрекнуть в отсутствии рационализма и прагматизма. Вместе с тем, из десяти-двенадцати различных определений есть и такое (правда, на последнем месте): «Техника (и, соответственно, весь ряд понятий, с ней связанных) – это судьба».